

Говоря о том случае, когда мы повздорили, скажу честно: большинство наших общих друзей так и не поняли, из-за чего разгорелся сыр-бор. Да и сам мой суженый, небось, тоже до сих пор не понимает. В глубине души я и сам теперь верю, что тогда действительно устроил истерику на пустом месте.

Это было почти два года назад. В тот вечер один приятель позвал меня посидеть, мол, на душе кошки скребут. Я составил ему компанию, мы выпили. Наверное, у меня тоже был не лучший период в жизни, а когда мы с ним вместе надираемся, то легко теряем голову. Помню всё как в тумане, а очнулся уже в полдень следующего дня в другом городе, за триста километров от дома.

Мы были в гостинице. Этот тип дрых рядом, спал без задних ног. Позже выяснилось, что в ту ночь он решил податься в бродяги и предложил мне сбежать с ним. Мне казалось, что я не соглашался, но он уверял, будто я ответил с готовностью. В итоге мы поймали частника и всю ночь гнали сюда, даже не зная, зачем.

Первым делом, проснувшись, я начал шарить по полу в поисках телефона. Черт возьми, я ведь пропал на целую ночь, не выходил на связь — представлял, как мой суженый сходит с ума от беспокойства. Я даже приподнял спящего приятеля, обыскивая постель, но ни моего телефона, ни его не нашел. Мне просто нужно было устройство — любое, лишь бы позвонить кое-кому.

Делать нечего, я пнул его, чтобы разбудить, и спросил: Где мой телефон? Если твой при тебе, дай попользоваться.

Он, полуживой, пробормотал: Ты забыл? Мы же вчера утопили их в реке. Сказали, что с этого момента будем свободными бродячими псами.

Свихнулись, не иначе, — выругался я и, натянув штаны, собрался спуститься к стойке регистрации, чтобы попросить телефон там.

И тут этот придурок подал голос: Ты куда собрался? В номере же есть стационарный.

Черт, я и забыл про него.

Чего суетишься... позорище... — он с явным раздражением глянул на меня и снова отвернулся, проваливаясь в сон.

Я позвонил супругу, но он не ответил — только тогда вспомнил, что сейчас он, скорее всего, спит. Раньше я уже рассказывал: я работаю днем, а он — ночью, и обычно, когда я уйду, он только возвращается. Но это не значит, что он не заметил моего отсутствия. Каждое утро перед уходом я готовил завтрак, а сегодня он пришел после тяжелой ночной смены домой, где было пусто, холодно и даже чаю не попить.

Я положил трубку и сказал приятелю, что уезжаю. Потом вытащил из его кошелька тысячу с лишним юаней — мой-то бумажник тоже где-то посеял.

Не знаю, то ли я расплачиваюсь за грехи прошлой жизни, то ли просто такой неудачливый по судьбе, но в тот день я нанял машину и поехал обратно, как вдруг — бац! — машина сломалась посреди дороги. А ведь по скоростной трассе триста километров — это всего часа три пути.

Телефона нет, уже за четыре часа дня, а я до сих пор не дома. Это уже не просто ночевка вне дома, я подозревал, что супруг уже в полицию заявление подал. В тот момент я был готов прибить водителя.

Домой я добрался только после десяти вечера.

Сердце колотилось, я рванул дверь, ожидая гнева, скандала, разгромленной квартиры — но не увидел никого.

Глядя на темную, пустую комнату, которая ничем не отличалась от той, что я оставил, я не мог описать свои чувства. Помню лишь, что бежал так быстро, что, стоя на пороге, долго не мог отдышаться. В тот момент меня посетила странная иллюзия: словно все эти восемь лет я жил здесь совсем один.

Тогда я окончательно понял: он на самом деле никогда меня не любил. Или, вернее, никогда не прощал.

Всю ту ночь я просидел в гостиной. На рассвете, около шести утра, когда только начало светать, я услышал, как хлопнула входная дверь, и заметил, что новый коврик в прихожей усыпан окурками.

Супруг выглядел уставшим, от него пахло спиртным. Я не мог себя обманывать — он действительно пошел на работу, как обычно.

Увидев меня, он замер. Я думал, он о чем-то спросит — на самом деле, очень ждал этого, хотел, чтобы он разъярился, схватил меня за грудки и заорал: Где ты, мать твою, шляется?!

Но он промолчал. Сказал лишь: Вернулся? Завтрака сегодня нет?

Я оторопел: Я два дня не был дома, считай, почти двое суток на связи не появлялся.

Он помедлил и ответил: Оу. Устал, наверное? На работу сегодня пойдешь?

Я опешил. А потом мне захотелось смеяться. Ужасно хотелось смеяться. Хотя внутри всё сжималось от желания разрыдаться, я не мог остановиться, глупо хохоча.

Пойду ли я на работу? Я даже начал всерьез обдумывать этот вопрос, следуя его логике.

Мой смех сбил его с толку, он смотрел на меня в замешательстве, пытаясь понять, что он сказал не так, или решив, что я сошел с ума. В конце концов, заметив, что со мной что-то не то, он тихо спросил: ...Ты голоден? Давай я приготовлю.

Я молчал, и он добавил: Ты же знаешь, я умею только яичницу.

Он бросил куртку и пошел на кухню, а я бросил ему в спину: Как думаешь, если я однажды сдохну где-нибудь на улице, кто-нибудь это заметит?

Он замер, обернулся и, нахмурившись, воскликнул: Что за чушь ты несешь!

Я продолжал: Тебе ведь плевать, вернусь я или нет, верно?

Он смотрел на меня с таким неверием, губы дрожали, но он не мог вымолвить ни слова в свое оправдание. Я видел, как раздуваются крылья его носа, как краснеют глаза. Каждый раз, когда он сдерживал слезы, у него было такое выражение лица — для меня это ничем не отличалось от настоящих рыданий. Ему не нужно было ронять ни капли, чтобы сломить мою волю.

На душе стало так скверно, словно я сейчас взорвусь. Я комкал в руках пачку сигарет, а потом со всей силы ударил ногой по стеклянному журнальному столику. Столешница разлетелась на тысячи осколков, которые разлетелись по полу, словно хлынувшая вода. Я никогда не отличался мягким нравом, а он любил спокойных людей.

Супруг вздрогнул от испуга, лицо его побледнело, а следом он взорвался, его тонкий голос стал резким.

Он крикнул: Чжань Юэтин, ты что, жить со мной не хочешь?!

Стоило мне сорваться, как я уже не мог остановиться. Я перевернул столик, запустил стулом в телевизор, разбил торшер у дивана, сбросил с подоконника горшки с суккулентами — всё, до чего мог дотянуться, шло в расход.

Мы выбирали эти вещи вместе. Всё в этом доме было обустроено нашими руками, я до сих пор помню, как счастлив был, держа его за руку в Икее.

И тут он тоже обезумел, начал крушить всё вместе со мной. Его любимые желтые шторы в цветочек были разорваны в клочья, мы даже сорвали со стены кондиционер.

В конце концов, когда ломать стало нечего, мы стояли среди этого хаоса, свирепо глядя друг на друга. Супруг заплакал первым, а потом и я.

Он истерично кричал: Ты пропал на всю ночь и еще считаешь, что прав?! Я, дурак, поверил тебе, и я же еще виноват?!

Я орал в ответ: Ты называешь это верой?! Тебе просто плевать! Я два дня не появлялся, а ты и слова не сказал! Ты хоть знаешь, где я был? Может, я с кем-то кувыркнулся в отеле?! Тебе правда совсем наплевать?!

Он издал пронзительный вопль: Да если ты захочешь изменить, я что, смогу тебя удержать?! — и, развернувшись, выбежал из комнаты.

Я остался стоять на месте, не в силах даже пошевелиться.

Я ведь не изменял. Как, черт возьми, вышло так, что это я оказался предателем?

<http://bllate.org/book/26321/3151666>